

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ И РЕАЛЬНОСТЬ

Г.А. Антипов

Новосибирский государственный
университет экономики и управления
dr-eji2@yandex.ru

В статье предпринята попытка определения эпистемологического статуса философии экономики, ее места в культуре и отношения к научному экономическому дискурсу. Й. Шумпетер в одной из своих работ ставил вопрос: «Является ли экономика наукой?» Правомерность подобной постановки обосновывалась им очевидными отличиями экономики от естествознания и математики. Экономика, считал он, не может в полном объеме называться наукой в том случае, если за критерий научности принять использование методов естественных наук, например измерение. В статье полагается, что решение подобного рода вопросов требует и обращения к контексту философии экономики. Подобная установка потребовала затронуть вопросы, касающиеся взаимосвязей философии экономики как частной философской дисциплины с общефилософским контекстом. Показано, что философия экономики есть рефлексия конечных оснований экономического бытия. В онтологическом ракурсе проанализированы основные особенности научной картины мира, какой она должна быть представлена в экономических науках. Выявлены некоторые особенности марксистской социально-политической доктрины, касающиеся, прежде всего, ее философских предпосылок.

Ключевые слова: философия, философия экономики, экономика, наука, онтология.

DOI: 10.17212/2075-0862-2015-3.1-125-142

Бранил Гомера, Феокрита,
Зато читал Адама Смита
И был глубокий эконо,
То есть умел судить о том,
Как государство богатеет,
И чем живёт, и почему,
Не нужно золота ему,
Когда простой продукт имеет.
Отец понять его не мог
И земли отдавал в залог.

А.С. Пушкин

Установившихся представлений на, как говорят, «предмет» философии экономики не существует. Печаль по данному поводу может усиливаться в связи с тем еще,

что нет ясности и с «предметом» философии вообще. К тому же и в синхронии, и в диахронии нельзя, очевидно, говорить об экономическом мышлении, не обращаясь к

контексту экономической науки. Обращаясь же к подобной модальности анализа, мы с удивлением обнаружим вопросы вроде «Является ли экономика наукой?». Вопросание это принадлежит, как известно, Й. Шумпетеру. Поэтому настоящее исследование обречено на метание между указанными тремя неопределенностями.

Исследуя познавательные компетенции философии, Иммануил Кант заключал: «Сферу философии... можно подвести под следующие вопросы: 1. Что я могу знать? 2. Что я должен делать? 3. На что я смею надеяться? 4. Что такое человек?... Но в сущности всё это можно было бы свести к антропологии, ибо три первых вопроса относятся к последнему» [11, с. 332]. Однако в послекантовской традиции обнаруживается лишь единственный прецедент следования намеченному здесь вектору философствования. Таковым стал прецедент Фейербаха, утверждавшего: «Новая философия превращает человека, включая и природу как базис человека, в единственный универсальный и высший предмет философии, превращая, следовательно, антропологию, в том числе и физиологию, в универсальную науку» [23, с. 202]. Существенный момент заключается именно в помещении темы человека в контекст «универсальной науки». Антропология – наука о человеке. В принципиально ином ключе идентифицировала традиция эту тему уже после Фейербаха, в двадцатом веке. Тема человека приобрела оформление в виде «философской антропологии».

Ситуация с философией экономики в какой-то степени аналогична тому, как складывались формы когнитивной интерпретации человеческой сущности. Здесь не редки суждения, толкующие философию экономики «как относительно самостоя-

тельную дисциплину, ориентированную на анализ фундаментальных законов-тенденций как теоретико-экономической, так и хозяйственно-практической деятельности». Иначе говоря, философия науки – это наука, одна из наук. Подобный поворот в самоидентификации философии экономики не может не навеять воспоминаний о демаркационной проблеме, как она ставилась и разрешалась в неопозитивизме. Р. Карнап, скажем, главное различие науки и философии усматривал в неverifiedности философских суждений, т. е. в несоотнесимости их с критериями истинности и ложности. Есть тип собственно научных суждений и тип «внеаучных», или «псевдонаучных» – философских. Кстати, о разграничительной линии между философией и наукой говорил в «Философии хозяйства» уже С.Н. Булгаков. Правда, по иным основаниям, нежели Карнап. «Можно, пожалуй, – писал он, – выразиться и так, что философия ищет уразумения жизненного смысла и значения явлений, в отдельности изучаемых наукой. Потому сопредельное и запредельное для науки, то, что она молчаливо предполагает как свои предпосылки, это и составляет как раз круг проблем философии» [6, с. 30].

Но перевод стрелки на демаркационную проблему в нашем случае актуализируется не только задачей идентификации философии экономики. Это связано и с потребностями идентификации самой экономической науки. Вот свидетельство. «Так является экономическая теория наукой или нет?» – ставит вопрос Дэниэл Хаусман в «Предисловии» к «Философии экономики». Причем, обосновывая уместность подобной постановки вопроса, Хаусман рассуждает совершенно в том же ключе понимания предмета философии экономики,

что и Булгаков в вышеприведенном суждении. «Ибо экономическая теория – странная наука, – рассуждает он. – Многие из ее предпосылок звучат крайне банально, например: “индивиды могут оценивать альтернативы” или “индивиды выбирают наиболее предпочтительное для себя”. Другие предпосылки экономической науки – это упрощения вроде “товары бесконечно делимы” или “индивиды обладают совершенной информацией”. На этих банальностях и упрощениях, на этих “предпосылках, принятых без опоры на факты или вопреки фактам” экономисты возвели математически сложную теоретическую доктрину, выводы которой, хотя и вовсе не “неизбежно оказываются неверными”, все же бывают неверными достаточно часто» [24, с. 7].

Иногда говорят: наука (науки) возникает в результате «отпочкования» от философии. И в этом есть свой резон. Достаточно сослаться на название трактата Исаака Ньютона, где представлена парадигма классической механики: «Математические начала натуральной философии». Характерные репрезентации процессов отделения компетенций науки от философских контекстов можно найти в истории марксизма, исходная идентификация которого – «научный социализм», а его создатель – доктор философии, изначально пламенный сторонник Гегеля Карл Маркс.

И в личном, и в идейном плане за точку отсчета можно принять известное: «Философы лишь различным образом объясняли мир, но дело заключается в том, чтобы изменить его». Тезис этот повторялся несчетное число раз, но мне известен только один случай его вразумительного толкования, его автор Карл Поппер. Он увидел здесь выражение сугубо прагматической установки. «Пожалуй, именно эта уста-

новка позволила ему превзойти важную методологическую доктрину позднейших прагматистов, согласно которой наиболее характерной чертой науки является не приобретение знания о прошлых фактах, а предсказание будущего» [22, с. 101]. Поппер, конечно, не мог заметить имплицитно присутствующей у Маркса соотносительности с гегелевским пониманием «прагматического» аспекта философствования. У Гегеля он выглядит так: «Что же касается поучения, каким мир должен быть, то к сказанному выше можно добавить, что для этого философия всегда приходит слишком поздно. В качестве мысли о мире она появляется лишь после того, как действительность закончила процесс своего формирования и достигла своего завершения... Когда философия начинает рисовать своей серой краской по серому, тогда некая форма жизни стала старой, но серым по серому ее омолодить нельзя, можно только понять; сова Минервы начинает свой полет лишь с наступлением сумерек» [8, с. 56]. Таким образом, по Гегелю, философия не несет в себе никаких практических функций, не является, подобно науке (как о ней вскоре скажет Маркс), «непосредственной производительной силой». Поэтому Маркс, что вполне верифицируется обращением к его трудам, покидает поле философствования и обращается к научному дискурсу. Показательна формулировка Маркса, предпосланная первому изданию «Капитала», где находим: «конечной целью моего сочинения является открытие экономического закона движения современного общества» [14, с. 7]. Прочти эти слова Конт, он, конечно, признал бы Маркса своим.

Однако путь Маркса из философии в науку, в отличие от Конта, вовсе не оказалась «широкой столбовой дорогой». В самом

деле, свои исследования он квалифицировал в духе эмпирической науки. «Предпосылки, с которых мы начинаем, – писал он вместе с Энгельсом, – не произвольны, они – не догмы... Это – действительные индивиды, их деятельность и материальные условия их жизни, как те, которые они находят уже готовыми, так и те, которые созданы их собственной деятельностью. Таким образом, предпосылки эти можно установить чисто эмпирическим путем» [15, с. 18]. И Маркс вполне понимал, какими методами и средствами должна располагать эмпирическая наука. «Физик или наблюдает процессы природы там, где они проявляются в наиболее отчетливой форме и наименее затемняются нарушающими их влияниями, или же, если это возможно, производит эксперимент при условиях, обеспечивающих ход процесса в чистом виде». Но вот заковыка: «при анализе экономических форм нельзя пользоваться ни микроскопом, ни химическими реактивами. То и другое должна заменить сила абстракции» [14, с. 6].

Удивительно, как Маркс не замечает допущенного ляпа. Какой бы эта «сила абстракции» большой ни была, заменить средства эмпирического исследования она никак не может. Силой она проявляет себя только в двух областях ментальности: в философии и в математике. Поэтому, между прочим, Ричард Фейнман в своих знаменитых «Фейнмановских лекциях по физике» вполне резонно заключал, что «математика не наука – в том смысле, что она не относится к естественным наукам. Ведь мерило ее справедливости отнюдь не опыт». Вообще характерно и показательно удивительное небрежение Маркса наблюдением реальной действительности. Как отмечает Сильвия Назар, «лучший друг владельца

фабрики и автора одного из самых страстных описаний ужасов механизации ни разу не был ни на одной английской фабрике. Он вообще единственный раз посетил фабрику только в конце жизни, когда отправился на экскурсию на фарфоровый завод возле Карлсбада, где проходил курс лечения» [19, с. 70].

Но налицо и более глубокий, и даже чреватый существенными социальными последствиями методологический просчет Маркса. Речь идет о его трактовке категории «собственность», а именно когнитивной конструкции «общественная собственность» как некоей реально существующей формы. По сути дела, Маркс гипостазирует, включает в контекст жизненного бытия сугубо гносеологическую форму, представленную в познании понятием сущности. Верно, конечно, что реально существующие формы собственности, частная и групповая, по своей сущности являются феноменами социальной природы. Но ошибочно полагать эту социальную природу чем-то самостоятельно и реально существующим. В практике строительства социализма «обобществление» собственности стало ее огосударствлением, т. е. замещением индивидуальной собственности – групповой, ибо государственная собственность есть вид групповой собственности. И произошло то, что произошло. Маркс в своем анализе собственности проделал совершенно тот же путь, что и натурфилософы XVIII века с их флогистоном, теплородом, звуководом и т. п.

Так что же, Маркс так и остался доктором философии, как, кстати, он и настаивал, чтобы к нему обращались? Нет, скорее это поза человека, одной ногой стоящего по одну сторону межи, другой – по другую. Что касается межи, то это призрачная гра-

ница между философским и научным дискурсами.

«Мы знаем только одну-единственную науку, науку истории», – писали Маркс и Энгельс в начале своей совместной творческой биографии. И в самом деле, практически до завершения этой биографии (можно сослаться на «Хронологические выписки», представлявшие собой хронологический обзор политической истории европейских стран с I века до н. э. до середины XV века), Маркс по своим научным установкам – историк с ориентацией на конструирование версии именно научной историографии. Данная установка хорошо была выражена Энгельсом в его «Речи на могиле Маркса», где он сказал: «Подобно тому, как Дарвин открыл закон развития органического мира, Маркс открыл закон развития человеческой истории: тот до последнего времени скрытый под идеологическими наслоениями факт, что люди в первую очередь должны есть, пить, иметь жилище и одеваться, прежде чем быть в состоянии заниматься политикой, наукой, искусством, религией и т. д.; что, следовательно, производство непосредственных материальных средств к жизни и тем самым каждая данная ступень экономического развития народа или эпохи образуют основу, из которой развиваются государственные учреждения, правовые воззрения, искусство и даже религиозные представления данных людей и из которой они поэтому должны быть объяснены, – а не наоборот, как это делось до сих пор» [16, с. 350]. Замечу попутно, отсылка к Дарвину уместна, Маркс действительно пытался, по аналогии с создателем теории естественного отбора, обосновать теорию социальной эволюции [1, 2].

По сути дела Энгельс дал здесь свою интерпретацию научной исследователь-

ской программы истории по Марксу. О методологических перекосах и общей ущербности этой программы вполне достаточно было сказано Карлом Поппером, отразившем ее суть в понятии «историцизма» – веры в существование исторических законов и возможности предсказания на их основе будущего [см.: 21, 22]. Последнее, однако, вовсе не дает оснований отнять у Маркса присущую его творчеству общую установку на научность продуцировавшихся им ментальных форм.

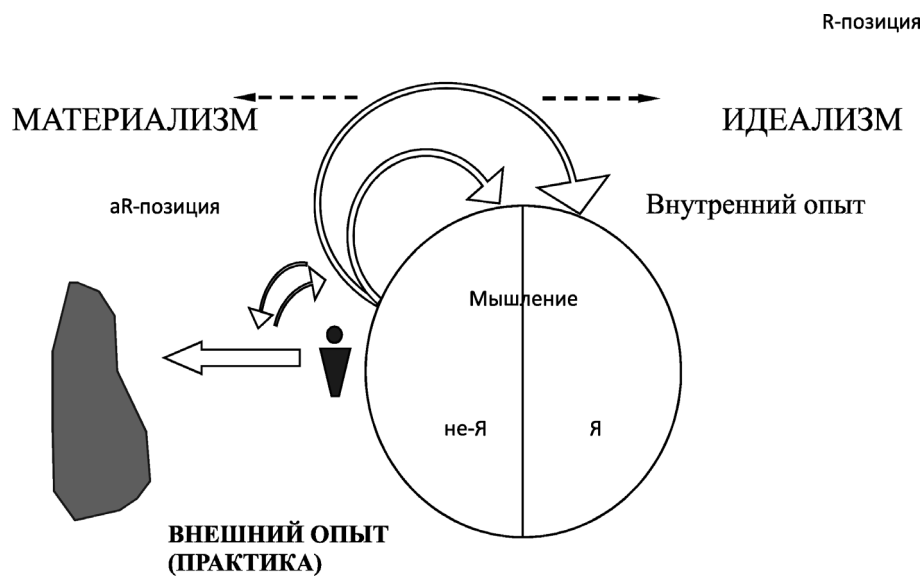
Установка на идеалы научной рациональности не «забывала» у Маркса его философского первородства. Прекрасной иллюстрацией (одной из многих) присутствия акций его философствования в, казалось бы, сугубо научных контекстах может служить четвертый параграф первой главы «Капитала» – «Товарный фетишизм и его тайна». Это типично философский трактат, по стилистике очень напоминающий манеру Аристотеля с его акцентуацией категорий материи и формы. Принадлежность к философскому дискурсу просвечивает здесь уже на вербальном уровне: «На первый взгляд товар кажется очень простой и тривиальной вещью. Его анализ показывает, что это – вещь, полная причуд, метафизической тонкостью и теологических ухищрений». Может ли кто-либо привести в пример специальный экономический текст, где бы присутствовал подобный пассаж?

Теперь, имея в виду задачу идентификации предмета философии экономики, представим философствование в его принципиальной сущности. В мышлении, в познании человеческой жизнедеятельности вообще возможны две существенно разные позиции, занимаемые мыслящим субъектом, познающим **Я**. Одна из них мо-

жет быть определена как а-refлексивная, или внешняя. Занимая ее, мыслящий субъект полагает предмет мышления как нечто внешнее по отношению к собственному **Я**, и в этом смысле как **не-Я**, что понятийно выражается словами «вещь», «тело», «объект». Способность человека занимать данную позицию объективно обусловлена физической, телесной выделенностью его из окружающего мира. Этой морфологической выделенностью органических систем, а значит, и необходимостью их адаптации

к внешнему миру обусловлено возникновение и существование психики вообще, начиная с простейших ее видов, например элементарной сенсорной психики.

Но человеческая психика, мышление характеризуется еще только им присущей способностью полагать в качестве предмета мысли самое мышление, мыслящее **Я**. Это – рефлексия, а позиция, выражающая данную направленность мышления, может быть квалифицирована как рефлексивная, или внутренняя.

Обратившись к энгельсовской формулировке «великого основного вопроса» философии, ее можно использовать как вполне корректное различие и противопоставление двух указанных позиций. Первичность, о которой говорит Ф. Энгельс, имеет смысл только в двух отношениях.

Материя (**не-Я**) первична по отношению к сознанию, если сознание отождествлять с формами практического опыта, а также с формами научного знания. Материализм выступает как их основание, как не-

обходимая мировоззренческая предпосылка. Хорошей иллюстрацией может служить замечание В.И. Вернадского, согласно которому «влияние материализма – в разных его проявлениях – на научную естественно-историческую работу вполне понятно, и даже неизбежно, так как материалистическая философия представляет течение реализма, то есть общей почвы науки и философии при изучении проблем внешнего мира. Натуралист в своей работе исходит из реальности внешнего мира и изуча-

ет его только в пределах его реальности» [7, с. 136].

О первичности материи, а точнее практики в том смысле, который придал этой категории К. Маркс (материальная, чувственно-предметная, целеполагающая деятельность человека), правомерно говорить в плане происхождения сознания, имея в виду, что исторически исходной формой сознания выступает практический опыт. С этой точки зрения самосознание, рефлексия – вторичны. Как считал, например, немецкий философ К. Ясперс (1883–1969), формирование способности к самосознанию составило содержание «осевого времени» (800–200 гг. до н.э.). «Новое, возникшее в эту эпоху...», – писал он, – сводится к тому, что человек осознает бытие в целом, самого себя и свои границы... Все это происходило посредством рефлексии. Сознание осознавало сознание, мышление делало своим объектом мышление» [30, с. 33].

Важно при этом учитывать, что и категория идеального, а «идеализм» философский есть отдавание ей примата, теряет смысл вне отношения к рефлексии, ибо она как раз и характеризует сознание с точки зрения свойства, обнаруживаемого им в актах осознания. Здесь ведь мы имеем отношение одной мысли к другой. Понятно, что к отношению подобного рода неприменимы никакие вещественно-энергетические характеристики. Теми же путями возникает и представление о душе, духе как о явлениях иной, чем тело, природы. В этих представлениях находит выражение рефлексивное восприятие проявлений своей собственной психической деятельности мыслящим **Я**.

Итак, материализм и идеализм суть выражение двух различных позиций, с которых может осуществляться мыслительная

деятельность. Вектор первой ориентирует мышление «вовне» относительно мыслящего **Я**, вектор второй – «вовнутрь» на самое это **Я**.

Будучи формой рефлексии, философия в ряде существенных пунктов отличается от форм научного познания. В этом смысле, вопреки довольно распространенному мнению, философия не является наукой, а перенос на нее стандартов научности искажает ее подлинный предмет, принося немалый вред.

Проблема нахождения критериев, позволивших бы отделить научное знание от ненауки, от псевдонауки, от идеологии и от философии, получила название «проблемы демаркации». В ходе ее обсуждения, особенно в философии (философии науки) XX в., было выделено несколько характеристик, отличающих науку от других форм духовной деятельности, в том числе и от философии.

Верификационный критерий. Наука стремится подтверждать свои гипотезы, законы, теории с помощью эмпирических данных: фактов, наблюдений, экспериментов. Философия же в этом не нуждается.

Фальсификационный критерий. Утверждения науки должны быть не только эмпирически проверяемыми, но и в принципе опровержимыми если не в настоящий момент, с помощью наличных средств научного познания, то хотя бы в виде указания на возможный эксперимент, осуществление которого привело бы к опровержению данной теории. Утверждения философии эмпирически непроверяемы и неопровержимы.

Парадигмальный критерий. В каждой науке существует определенный набор стандартов научной познавательной деятельности, своего рода образцов, принимае-

мых большинством членов научного сообщества в качестве руководства для действия и основы для дальнейшей работы. Американский философ и историк науки Т. Кун выразил данный аспект науки в понятии парадигмы. В философии нет и никогда не было господствующей парадигмы. Для нее характерен плюрализм школ и направлений.

Методы. В науке есть специализированные методы получения знания: наблюдение, измерение, эксперимент. Наука вводит количественные понятия и использует математические методы. Ничего этого в философии нет. В какой-то мере философствование напоминает математическую аксиоматику, а именно в том, что предлагаемые философом решения выводятся из принятых им основоположений, своего рода постулатов, которые, как и в математике, не предполагают эмпирического обоснования [20, с. 55].

Проблемы. Процесс научного познания всегда представляет собой решение общезначимых проблем (задач). Это принципиально разрешимые по принятым в науке правилам проблемы, результаты решения которых, если они соответствуют определенным критериям, принимаются всем научным сообществом. В философии общезначимых проблем не существует, как не существует объективных критериев их оценки. К философским теориям неприменима оценка на истинность и ложность, основанием которой в науке выступает соответствие знания объекту. С этим связаны особенности развития философского знания. В росте научного знания присутствует кумулятивный эффект, к философскому же знанию неприменимы критерии количественного и качественного роста [29, с. 248].

Язык. В конкретных науках вырабатывается комплекс более или менее строго определенных понятий и терминов, специфический язык. О специальном языке философии говорить не приходится. Язык философии расплывчат и неопределенен. В разных философских системах одни и те же термины приобретают разный смысл.

Итак, основная особенность философского мышления заключается в его рефлексивности. Философия по способу теоретического освоения действительности есть культивируемая, приобретаемая вид традиции форма рефлексии. Специфика философии, ее предмета в конечном счете и сводится к тому, что рефлексия и рефлексирование становятся для нее основным содержанием и целью. Философия есть рефлексия в плане конечных, предельных оснований бытия. Тогда дефиниция философии экономики (хозяйства) может быть представлена как рефлексия конечных оснований экономического бытия.

Уже изложенное позволяет сделать определенное заключение о месте и роли философии в культуре, в человеческой жизнедеятельности. Если наука представляет собой форму производства и накопления знаний определенного типа (могущих служить, по крайней мере в идеале, средствами изменения мира), то философия – это форма аккумуляции опыта рефлексии, опыта деятельности в сфере идеального. Философия, говорил М. Хайдеггер, «сама есть, только когда мы философствуем. Философия есть философствование» [25, с. 119]. Философия есть особый вид, или способ, мышления, требующий определенных навыков. В этом и только в этом смысле можно говорить о «мето-

де философии», поскольку в собственном смысле всякий метод есть упорядоченная совокупность действий, совершаемых для достижения той или иной цели или решения задачи.

Схематически место философии экономики на всем поле философствования и культуры (философия – самосознание культуры) можно представить следующим образом.

НАУКА	КУЛЬТУРА	ФИЛОСОФИЯ
		<i>онтология, гносеология, аксиология</i>
социология	политика	философия политики
экономика	право	философия права
научная история	экономика	философия экономики
лингвистика	мораль	этика
психология	религия	философия религии
	историческая память	философия истории
	искусство	эстетика
	наука	философия (методология) науки
	язык	философия языка

Из приведенной схематической картинки можно сделать вывод о включенности философии экономики в многосложный культурологический контекст, находясь в котором она не может не вступать в сложные отношения и пересечения как с другими (помимо экономики) формами культуры, так и с иными разделами философского знания, скажем, философией (методологией) науки, этикой, философией истории и т. д. Впрочем, подобное можно сказать и о прочих компонентах обозначенного контекста.

Хорошо известны слова А. Эйнштейна: «Достоевский дает мне больше, чем Гаусс».

Их часто повторяют. В чем, однако, их подлинный смысл? Гаусс – выдающийся математик, внесший вклад в развитие геометрии, а именно той традиции математики, которая привела к созданию неевклидовой геометрии Лобачевского–Бойаи. В частности, Гаусс в ходе своих размышлений приходил к выводу, что евклидова геометрия отражает лишь геометрию физического пространства, но возможны в качестве логически непротиворечивых и иные геометрии, где, например, допускается, что сумма углов треугольника меньше 180° . Совершенно очевидно, что выводы Гаусса предполагали рефлексивную аналитику: Гаусс

размышляет о математическом знании в плане «основного вопроса философии» с точки зрения его отношения к объективной реальности. Подобной же рефлексии, как предпосылки, требовало и создание теории относительности. «Раньше думали, – пояснял Эйнштейн, – что если в результате некоего чуда в мире исчезнут все вещи, то пространство и время останутся. Я же считаю, что вместе с вещами исчезнут и пространство, и время». К сказанному стоит добавить, что в своем опыте рефлексии по поводу пространства и времени Эйнштейн имел и прямого предшественника, собственно философа, в лице Г.В. Лейбница (1646–1716). Согласно Лейбницу, «когда говорят, что бесконечное пространство не имеет частей, то это значит, что оно не составлено из конечных пространств и могло бы существовать даже тогда, когда исчезли бы все конечные пространства. Это было бы то же самое, как если бы, принимая картезианское представление о телесной, бесконечно протяженной вселенной, говорили в то же время о дальнейшем ее существовании даже после уничтожения всех отдельных тел, ее составляющих». «Говорят, – писал он, полемизируя с последователем Ньютона С. Кларком, – что пространство не зависит от положения тел. На это я отвечаю, что оно, конечно, не зависит от того или иного положения тел, тем не менее оно является таким порядком, который делает возможным само расположение тел и в силу которого они в своем существовании друг подле друга обладают отношением расположения, подобно тому как время представляет собой тот же порядок в смысле последовательности их существования... Я вовсе не говорю, что материя и пространство – одно и то же, а лишь утверждаю, что без материи нет простран-

ства и что пространство само по себе не представляет собой абсолютной реальности» [13, с. 20].

Мы видим, таким образом, что Эйнштейн почти дословно повторил слова Лейбница, в которых представлены результаты рефлексивного философского анализа категорий пространства и времени. И не суть важно, был ли Эйнштейн знаком с перепиской Лейбница с Кларком. Подобно З. Фрейду, в отношении психоанализа Эйнштейн уверял, что возникновение теории относительности обусловлено фактами непосредственного опыта, «что эта теория не является умозрительной по своему происхождению» [27, с. 35]. Существенно, что именно переосмысление фундаментальных понятий бытия позволило сформулировать уже собственно научную задачу – каковы закономерности, связывающие пространство, время и движение – и выразить решение ее в математических формализмах. Все это делает вполне понятным отзыв Эйнштейна о влиянии на него Достоевского. В его литературных героях представлена исключительно точная картина рефлексии, ее сложные траектории и ступени. Суть дела не меняется от того, что предметом рефлексии выступают у автора «Преступления и наказания», конечно, не пространство и время, а добро и зло. В персонажах Достоевского с наибольшей полнотой и выразительностью воплощен в художественно-образной форме и в основном его проявлении социологический тип «русского Гамлета», интеллигента – именно в российском смысле этого слова, для которого рефлексия оказывается первичной и определяющей по отношению к плотской и практической витальности [3].

Вся совокупность подобных обсуждений есть проявление процессов адаптации

самосознания науки или того, что можно назвать ее экокультурной системой [5], к происходящим в науке изменениям. Адаптация эта осуществляется на базе и посредством рефлексии. Вот почему появляются точки соприкосновения между определенными литературными формами и наукой – опыт рефлексии универсален. В определенном смысле и в известных случаях художественная литература даже предпочтительнее, нежели сугубо философские тексты, ибо воплощает этот опыт в «произведениях искусства», то есть в отвечающих канонам прекрасного образцах.

В целом по отношению к науке философия выполняет методологическую функцию, является ее методологией. Методологическая деятельность, будучи рефлексией науки, отличается как от разработки и описания специфических методов научного познания, что составляет компетенцию самой науки, так и от исследования данных методов в предметах специальных научных дисциплин, например психологии. В методологии науки осуществляется осознание структур, лежащих в основе теоретического (научного) освоения человеком мира. Типичным примером методологической работы может служить категориальный анализ научного познания (например, исследование характерных для современной науки версий детерминизма, вероятности и т. д.).

Как по отношению к науке, так и по отношению к человеческой жизнедеятельности вообще философия служит формой экспликации, обоснования и перестройки структур, определяющих отношение человека к миру. Поэтому интегральную характеристику общественной роли философии можно увидеть в том, что философия выступает самосознанием культуры, или, говоря словами Гегеля, «философия... есть

современная ей эпоха, постигнутая в мышлении». Обычно это качество философии выражают понятием ее мировоззренческой функции.

Действительно, философская рефлексия является фактором эволюции культуры. Об этом можно судить хотя бы по генезису марксизма и той роли, которую последний сыграл в новой и новейшей истории человечества. Понятно, что, являясь самосознанием исторической эпохи, философия может выражать и ее заблуждения. Показательна с этой точки зрения и история возникновения христианства. Хорошо известный и даже тривиальный факт состоит в том, что христианство складывалось под сильным влиянием античной философии и усвоило многие ее воззрения. Можно сослаться, в частности, на учение Платона, неоплатонизм и стоицизм. Ф. Ницше принадлежит хлесткая фраза, что христианство – это «платонизм для народа».

Существуют две наиболее распространенные позиции в отношении указанного факта. Традиционная атеистическая критика использует его для доказательства того, что христианство не есть нечто уникальное, что оно имеет вполне очевидные земные исторические корни, что оно лишь использовало тот культурный материал, который был создан вне его и до него. Другая позиция утверждает, что христианство, и это его культурная заслуга, усвоило и транслировало любознательные древних последующим поколениям. Вне христианства оно могло бы погибнуть в разлившемся море варварства.

Нет оснований полностью исключать и ту и другую точки зрения. И та и другая в известных границах справедливы. Можно, однако, усомниться в том, что этими двумя подходами охвачено главное и основное в

отношения философии к христианскому вероучению. В любом случае остается неясным, почему христианство оказалось столь комплиментарным к античной философии, почему в дальнейшем, усвоив это содержание, оно его сохраняет и развивает.

Главное заключается в том, что в определенном смысле христианское учение было продуктом философии. То, что для античности было уделом немногих «мудрецов», которым противостояла толпа, чернь, стало, по крайней мере в возможности, достоянием всех. Самое же существенное в том, что благодаря рефлексии христианство породило нечто совершенно уникальное – общечеловеческие ценности. «Нет различия между иудеем и эллином, потому что один Господь у всех». Это было действительно новое мышление. Высшей ценностью в иерархии культурных ценностей стал сам человек [4].

Итак, на вопрос о месте философии экономики в культурном горизонте общества можно сказать, что это своего рода симбиоз, или сгусток в некоем «облаке» ментальности; сгусток, сталкивающийся и вступающий в реакции со сгустками иной субстанции, в результате чего и образуются новые симбиотические единства. В самом деле, по ведомству какого предмета можно записать «Протестантскую этику и дух капитализма» Макса Вебера? Экономической науки, этики, религиозного сознания, философии экономики, философии (методологии) науки? Очевидно, при ближайшем рассмотрении мы обнаружим и то и другое, и третье... То же самое с «Капиталом» К. Маркса.

Не могу не привести, несмотря на его величину, замечание Йозефа Шумпетера об образе мышления Кейнса, хорошо схватывающее отношение собственно научных

и философских аспектов в экономическом мышлении. «Итак, – писал Шумпетер, – Кейнс разработал объяснение современной теории стагнации – в отличие от теории, которую мы можем при желании найти у Рикардо. В этом объяснении мы также видим зародыш “Общей теории”. Любая полноценная “теория” экономического состояния общества состоит из двух взаимодополняющих, но заметно различающихся элементов. Во-первых, у теоретика есть мнение об основных чертах экономического состояния общества, о том, что важно знать для того, чтобы понять жизнь этого общества в исследуемый период. Назовем эту часть видением автора. Во-вторых, у него есть метод, аппарат, при помощи которого он концептуализирует свое видение и превращает его в конкретные предложения, или теории. На страницах «Экономических исследований мирного договора» мы не видим ничего от того теоретического аппарата, который Кейнс использует в “Общей теории”. Но мы находим в этой книге всё то видение экономических и общественных явлений, к которому этот аппарат является чисто техническим дополнением. “Общая теория” – это конечный результат долгой борьбы Кейнса за то, чтобы сделать свое видение нашего времени аналитически функциональным» [28, с. 366].

В стандартной версии философии (методологии) науки то, что Шумпетер именуется «видением автора», т. е. ученого-исследователя, обозначается как «научная картина мира», а в целом исследование, вполне в духе Шумпетера, трактуется как взаимодействие научной картины мира и опыта. Экспликация, либо конструирование научной картины мира, относится к разделу общей философии, который обозначается термином «онтология». Онтология – философ-

ская теория бытия, допустим социального бытия. Что касается механизмов взаимодействия научной картины мира и опыта, характера получаемых результатов – это области теории познания и аксиологии.

Вот как данный механизм, его главные элементы выглядят у Томаса Куна. Понятно, речь идет о естественно-научном познании, физике в первую очередь. Кун отмечает, что в состав парадигмы обычно входят *символические обобщения* – те выражения, которые используются научным сообществом без сомнений и разногласий, которые имеют, к примеру, вид $F = ma$, $J = u/R$ или выражаются словами, например, «действие равно противодействию»; «метафизические» (можно прибавить – онтологические) картины, или модели типа: «теплота представляет собой кинетическую энергию частей, составляющих тело», или «все воспринимаемые нами явления существуют благодаря взаимодействию в пустоте качественно однородных атомов» и т. д. Эти модели снабжают научное сообщество предпочтительными и допустимыми аналогиями и метафорами; ценностями, например, касающимися предсказаний: количественные предсказания предпочтительнее качественных; в любом случае следует постоянно заботиться в пределах данной области науки о соблюдении допустимого предела ошибки. Ученым часто приходится выбирать, что предпочесть в теории: точность или последовательность, «эстетичность» или «логичность», и т. д. Такой выбор очень сильно зависит от конкретных особенностей исторической эпохи или биографии каждого члена сообщества [12, с. 236–243].

В связи с последним можно найти характерное замечание опять-таки Шумпетера по поводу особенностей экономическо-

го мышления Кейнса. «Чтобы понять точку зрения, с которой Кейнс давал свои советы, – писал он, – необходимо вспомнить, что он принадлежал к английской интеллигенции высшего уровня и не был привязан ни к какому классу и ни к какой партии: он был типичным интеллектуалом довоенного периода, справедливо претендовавшим на духовное родство с Локком и Миллем» [28, с. 374].

В заключение обратимся к основной презумпции научного познания, согласно которой любые феномены, становящиеся его адресатами, должны представляться в форме объектов, «вещей самих по себе». Для естествознания это тривиальность. Но как быть с социальным познанием, социальными науками? Материализм, действительно, есть всеобщее основание всякой науки. Из сказанного следует, что в сфере социального знания, поскольку оно претендует на научность, должна была сложиться мировоззренческая установка, задающая социальную действительность в виде «естественного тела», объективной, независимой от сознания и воли реальности. Тут-то и появляется кардинальная методологическая проблема, в которой, кстати, вполне отдавал себе отчет Карл Маркс. Он писал: «Как вообще во всякой исторической, социальной науке, при развитии экономических категорий нужно иметь в виду, что как в действительности, так и в голове дан субъект» [17, с. 732].

Впервые данную коллизию осознал И. Кант, констатировавший, что одно исключает другое: либо человек, общество рассматриваются как «естественные», природные существа, и тогда надо абстрагироваться от его сознания и свободы, либо человек расценивается как носитель духовного начала, и тогда придется отвлечь-

ся от того, что он подобен «всем другим вещам в природе», а значит, выйти за рамки научного дискурса. В соответствии с этим Кант и мыслил социальную науку (всеобщую историю), ее научную исследовательскую программу. Его всеобщая история – это своеобразная «социальная механика», проектировавшаяся по образцу небулярной гипотезы, изложенной И. Кантом во «Всеобщей естественной истории и теории неба». Подобно частицам вещества в первоначальной туманности, образующим под воздействием сил притяжения и отталкивания солнечную систему, люди в «бессмысленном ходе» своих дел реализуют некий «план природы», который остается только открыть. Ведь породила же природа «Кеплера, подчинившего неожиданным образом эксцентрические орбиты планет определенным законам, и Ньютона, объяснившего эти законы общей естественной причиной» [10, с. 8].

Маркс попытался преодолеть ловушку натурализма в социальных науках, о чем свидетельствуют те же «Тезисы о Фейербахе», где он говорил: «Главный недостаток всего предшествующего материализма – включая и феербаховский – заключался в том, что предмет, действительность, чувственность берется только в форме объекта, или в форме созерцания, а не как человеческая чувственная деятельность, практика, не субъективно» [15, с. 1]. Однако сама по себе подстановка на место натуралистически трактуемого объекта категории деятельности не давала решения задачи – репрезентации общества как объективной реальности, чего требует базовая мировоззренческая установка науки. Положения не спасли и придуманные Энгельсом концепты социальной ма-

терии и исторического материализма. Уж больно эта «социальная материя» отличалась от материи физика (объективная реальность, данная нам в ощущениях и существующая независимо от них). Поэтому изначально «материалистическое понимание истории» несло на себе печать двусмысленности, нерасчлененности, приводивших к неадекватным теоретическим интерпретациям в области социального научного знания, а также и в социальном строительстве. Вспомним пресловутое «построение материально-технической базы коммунизма».

Первым нашел решение Эмиль Дюркгейм. Обсуждая основания социологии, он поставил вопрос следующим образом: что такое социальный факт? Ответ звучит парадоксально: социальные факты нужно рассматривать как вещи. Это, однако, не значило, что «социальные факты – это материальные вещи; это вещи того же ранга, что и материальные вещи, хотя и на свой лад» [9, с. 394]. Не будучи вещами («телами»), социальные факты не тождественны и проявлениям индивидуально-го сознания, по отношению к ним социальные факты даны некоторым внешним образом и обладают «принудительной силой». Разъяснение таково: «Они не только являются продуктами нашей воли, но и сами определяют ее извне. Они представляют собой как бы формы, в которые мы вынуждены отливать наши действия» [9, с. 433]. Налицо, таким образом, определенное смысловое совпадение и с контекстом Объективной идеи Гегеля, и с контекстом Третьего мира Поппера.

Правда, и у Маркса встречаются замечания, напоминающие то, что говорил Дюркгейм, например: «...материальные отношения суть лишь необходимые формы,

в которых осуществляется... материальная и индивидуальная деятельность» [18, с. 403]. Однако этим вовсе не снималась, как можно видеть, присущая Марксу двусмысленность в использовании понятия «материальное».

В порядке иллюстрации этого рода «объективности», присущей «деятельности, практике», но не по Марксу, а по Дюркгейму, сошлемся на рассуждение Пола Хейне: «Но что такое “техника мышления”? В самых общих чертах – это некая предпосылка о том, чем человек руководствуется в своем поведении. За удивительно редкими исключениями экономические теории строятся, опираясь на вполне определенную предпосылку, что индивидуумы предпринимают те действия, которые, по их мнению, принесут им наибольшую чистую пользу (т. е. пользу за вычетом всевозможных затрат или потерь, связанную с этими действиями). Предполагается, что каждый поступает в соответствии с этим правилом: скупой и расточитель, святой и грешник, покупатель и продавец, политический деятель и руководитель фирмы, человек осторожный, полагающийся на предварительные расчеты и отчаянный импровизатор» [26, с. 23].

Таким образом, «выгоды» и «затраты» в их взаимосвязи выступают как объективная, априорная для экономического мышления индивида форма, в свою очередь задающая с необходимостью определенный порядок социального бытия, характер устойчивых отношений между индивидами. Кейнс, конечно, делал методологическую ошибку, когда полагал указанные формы «психологическими законами». Если и называть их законами, то нужно иметь в виду, что это инварианты в деятельности наделенных психикой индивидов, реализующиеся

независимо от их психики. По-видимому, именно это имел в виду В.И. Ленин, различая «материальные» и «идеологические» отношения. Материальные отношения, говорил он, складываются, не проходя через сознание людей; идеологические отношения, прежде чем сложиться, проходят через сознание людей. Но и здесь отсутствует понимание самого существенного, того, что в социальном бытии мы имеем дела с особым рода его объективными характеристиками, интерпретация которых посредством концепта «материя» и его модификаций есть *contradiction in adjecto*.

Два вывода, думается, напрашиваются из всего изложенного.

Во-первых, из всех научных дискурсов, ориентированных на репрезентацию по их правилам социальной реальности, должно быть изгнано понятие материальности как исходно искажающее всю перспективу получения адекватного знания о ней. Как говорил Макс Вебер, «материалистическое истолкование истории – не фикр, в который можно садиться по своему произволу, и перед носителями революции оно не останавливается». Отсюда, однако, вовсе не должно следовать, что «материальное» нужно заменить «идеальным».

Понятием, посредством которого следует представлять в научных дискурсах социальную реальность, должна стать категория культуры. Формы культуры обладают статусом объективности, но, как было показано, совершенно в ином смысле, чем природная (материальная) реальность. Никлас Луман полагал общество системой, конституирующей смысл. Данное определение можно считать одной из возможных конкретизаций понимания социальной реальности как культуры, как совокупности культурных форм.

Литература

1. *Антипов Г.А.* История как память и история как наука // Эпистемология и философия науки. – 2014. – Т. 42, № 4. – С. 124–142.
2. *Антипов Г.А.* На путях к теоретической истории // Вопросы философии. – 2013. – № 7. – С. 13–23.
3. *Антипов Г.А.* Российская интеллигенция. Судьба одной идеи // Коммунист. – 1991. – № 10. – С. 50–60.
4. *Антипов Г.А.* От философии к литературе. От литературы к философии // Философия и её место в культуре: сборник научных трудов. – Новосибирск: Наука, 1990. – С. 88–106.
5. *Антипов Г.А., Фахрутдинова А.З.* Методология науки и историко-научные исследования // Проблемы методологии науки. – Новосибирск: Наука, 1985. – С. 37–53.
6. *Булгаков С.Н.* Философия хозяйства. – М.: Наука, 1990. – 415 с.
7. *Вернадский В.И.* Размышления натуралиста. Кн. 2. Научная мысль как планетное явление. – М.: Наука, 1977. – 192 с.
8. *Гегель Г.* Философия права. – М.: Мысль, 1990. – 526 с.
9. *Дюркгейм Э.* О разделении общественного труда. Метод социологии. – М.: Наука, 1991. – 574 с.
10. *Кант И.* Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане // Кант И. Сочинения. В 6 т. Т. 6. – М.: Мысль, 1966. – С. 5–23.
11. *Кант И.* Трактаты и письма. – М.: Наука, 1980. – 711 с.
12. *Кун Т.* Структура научных революций. – М.: Прогресс, 1975. – 302 с.
13. *Лейбниц Г.-В.* Сочинения. В 4 т. Т. 1. – М.: Мысль, 1982. – 636 с.
14. *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. Т. 23. Капитал. – 2-е изд. – М.: Госполитиздат, 1960. – 907 с.
15. *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. Т. 3: 1845–1847. – 2-е изд. – М.: Госполитиздат, 1955. – 629 с.
16. *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. Т. 19: 1875–1883. – 2-е изд. – М.: Госполитиздат, 1961. – 670 с.
17. *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. Т. 12: 1856–1859. – 2-е изд. – М.: Госполитиздат, 1958. – 879 с.
18. *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. Т. 27: 1842–1851. – 2-е изд. – М.: Госполитиздат, 1962. – 696 с.
19. *Назар С.* Путь к великой цели: история одной экономической идеи: пер. с англ. – М.: АСТ: CORPUS, 2013. – 703 с.
20. *Никифоров А.А.* Является ли философия наукой? // Философские науки. – 1989. – № 6. – С. 52–62.
21. *Поттер К.Р.* Ницета историцизма: пер. с англ. – М.: Прогресс, 1993. – 186 с.
22. *Поттер К.Р.* Открытое общество и его враги. Т. 2. Время лжепророков: Гегель, Маркс и другие оракулы: пер. с англ. – М.: Феникс, 1992. – 525 с.
23. *Фейербах А.* Избранные философские произведения. Т. 1. – М.: Госполитиздат, 1955. – 676 с.
24. Философия экономики. Антология: пер. с англ. / под ред. Д. Хаусмана. – М.: Издательство Института Гайдара, 2012. – 518 с.
25. *Хайдеггер М.* Основные понятия метафизики // Вопросы философии. – 1989. – № 9. – С. 116–122.
26. *Хейне П.* Экономический образ мышления: пер. с англ. – М.: Дело, 1993. – 702 с.
27. *Холтон Дж.* Тематический анализ науки: пер. с англ. – М.: Прогресс, 1981. – 383 с.
28. *Шумпетер Й.А.* Десять великих экономистов от Маркса до Кейнса: пер. с англ. – М.: Издательство Института Гайдара, 2011. – 414 с.
29. *Ясперс К.* Введение в философию // Философские науки. – 1993. – № 4–6. – С. 245–262.
30. *Ясперс К.* Смысл и назначение истории: пер. с нем. – М.: Политиздат, 1991. – 528 с.

ECONOMIC THINKING AND REALITY**G.A. Antipov**Novosibirsk State University
of Economics and Management

dr-eji2@yandex.ru

The article attempts to determine the epistemological status of the philosophy of economics, its place in the culture and its attitude towards scientific economic discourse. In one of his works J. Schumpeter raised the question: “Is economics a science?” The validity of such question was justified by the apparent fact that economics differs from natural sciences and mathematics. Economics, he believed, can't be treated as a science if to use scientific methods of natural sciences such as: measurement and to accept it as the scientific criterion. The author believes that this problem can be solved within the context of the philosophy of economics. Such understanding required to address the issues relating to the relationship of the philosophy of economics as a separate philosophical discipline and the general philosophical context. It is shown in the article that philosophy of economics is the reflection of the finite foundations of economic being. In the paper the main features of the scientific world view from the ontological perspective are analyzed in the way they should be represented in economic sciences. Some peculiarities of the Marxist socio-political doctrine concerning, primarily, its philosophical assumptions, are highlighted.

Keywords: philosophy, philosophy of economics, economics, science, ontology.

DOI: 10.17212/2075-0862-2015-3.1-125-142

References

1. Antipov G.A. Istoriya kak pamyat' i istoriya kak nauka [History, memory, and history as a science]. *Epistemologiya i filosofiya nauki – Epistemology and Philosophy of Science*, 2014, vol. 42, no. 4, pp. 124–142. (In Russian)
2. Antipov G.A. Na putyakh k teoreticheskoj istorii [On the road to theoretical history]. *Voprosy filosofii – Russian Studies in Philosophy*, 2013, no. 7, pp. 13–23. (In Russian)
3. Antipov G.A. Rossiiskaya intelligentsiya. Sud'ba odnoi idei [Russian intellectuals. Destiny of one idea]. *Kommunist – Communist*, 1991, no. 10, pp. 50–60. (In Russian)
4. Antipov G.A. [From philosophy to literature. From literature to philosophy]. *Filosofiya i ee mesto v kulture: sbornik nauchnykh trudov* [Philosophy and its place in culture: collection of scientific works]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1990, pp. 88–106.
5. Antipov G.A., Fakhrutdinova A.Z. Metodologiya nauki i istoriko-nauchnye issledovaniya [Methodology of science and historical and scientific research]. *Problemy metodologii nauki* [Problems of methodology of science]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1985, pp. 37–53.
6. Bulgakov S.N. *Filosofiya khozyaistva* [Philosophy of economics]. Moscow, Nauka Publ., 1990. 415 p.
7. Vernadskii V.I. *Razmysleniya naturalista*. Kn. 2. *Nauchnaya mysl' kak planetnoe yavlenie* [Reflections of the naturalist. Bk. 2. Scientific thought as a planetary phenomenon]. Moscow, Nauka Publ., 1977. 192 p.
8. Gegel' G. *Filosofiya prava* [Legal philosophy]. Moscow, Mysl' Publ., 1990. 526 p. (In Russian)
9. Dyurkgeim E. *O razdelenii obschbestvennogo truda. Metod sotsiologii* [About the division of social labour. Sociology method]. Moscow, Nauka Publ., 1991. 574 p. (In Russian)
10. Kant I. Ideya vseobshchey istorii vo vseмирно-grazhdanskom plane [Idea for a universal history with a cosmopolitan purpose] (German edition (1784): Idee zu einer allgemeinen Geschichte in weltbürgerlicher Absicht). Kant I. *Sochineniya*. V 6 t. T. 6 [Works. In 6 vol.]. Moscow, Mysl' Publ., 1966, vol. 6, pp. 5–23. (In Russian)
11. Kant I. *Traktaty i pis'ma* [Treatises and letters]. Moscow, Nauka Publ., 1980. 711 p. (In Russian)

12. Kuhn T.S. *The Structure of scientific revolutions*. 2nd ed., enl. Chicago, University of Chicago Press, 1970. XII, 210 p. (Russ. ed.: Kun T. *Struktura nauchnykh revolyutsii*. Translated from English. Moscow, 1975. 302 p.).
13. Leibnits G.-V. *Sochineniya*. V 4 t. T. 1 [Works. In 4 vol. Vol. 1]. Translated from Latin, French and German. Moscow, Mysl' Publ., 1982. 636 p. (In Russian)
14. Marks K., Engel's F. *Sochineniya*. T. 23. *Kapital* [Werke. Bd. 23. Das Kapital]. Translated from German. 2nd ed. Moscow, Politizdat Publ., 1960. 907 p. (In Russian)
15. Marks K., Engel's F. *Sochineniya*. T. 3: 1845–1847. [Werke. Bd. 3: 1845–1847]. Translated from German. 2nd ed. Moscow, Gospolitizdat Publ., 1955. 629 p. (In Russian)
16. Marks K., Engel's F. *Sochineniya*. T. 19: 1875–1883 [Werke. Bd. 19: 1875–1883]. Translated from German. 2nd ed. Moscow, Gospolitizdat Publ., 1961. 670 p. (In Russian)
17. Marks K., Engel's F. *Sochineniya*. T. 12: 1856–1859 [Works. Vol. 12: 1856–1883]. Translated from English. 2nd ed. Moscow, Gospolitizdat Publ., 1958. 879 p. (In Russian)
18. Marks K. Engel's F. *Sochineniya*. T. 27: 1842–1851 [Werke. Bd. 27: 1842–1851]. Translated from German. 2nd ed. Moscow, Gospolitizdat Publ., 1962. 696 p. (In Russian)
19. Nazar S. *Grand pursuit: the story of economic genius*. New York, Simon & Schuster, 2012. 555 p. (Russ. ed.: Nazar S. *Put' k velikoi tseli: istoriya odnoi ekonomicheskoi idei*. Translated from English. Moscow, AST Publ., CORPUS Publ., 2013. 703 p.).
20. Nikiforov A.L. Yavlyaetsya li filosofiya naukoj? [Is philosophy a science?]. *Filosofskie nauki – Russian Studies in Philosophy*, 1989, no. 6, pp. 52–62. (In Russian)
21. Popper K.R. *The poverty of historicism*. London, Routledge and Kegan Paul, 1957. XIV, 166 p. (Russ. ed.: Popper K.R. *Nishcheta istoritsizma*. Translated from English. Moscow, Progress Publ., 1993. 186 p.).
22. Popper K.R. *The open society and its enemies*. Vol. 2: *The high tide of prophecy: Hegel, Marx and the aftermath*. 5th ed., rev. London and Henley, Routledge AND Kegan Paul, 1966 (Popper K.R. *Otkrytoe obshchestvo i ego vragi*. T. 2: *Vremya lzheprorokov: Gegel', Marks i drugie orakuly*. Translated from English. Moscow, Feniks Publ., 1992. 525 p.).
23. Feierbakh L. *Izbrannye filosofskie proizvedeniya*. T. 1 [Selected philosophical works. Vol. 1]. Moscow, Gospolitizdat Publ., 1955. 676 p. (In Russian)
24. Hausman D.M., ed. *The Philosophy of economics*. An anthology. Cambridge, The Syndicate of the Press of the University of Cambridge, 2008 (Russ. ed.: *Filosofiya ekonomiki. Antologiya*. Translated from English. Ed. by D. Khausman. Moscow, Izdatel'stvo Instituta Gaidara Publ., 2012. 518 p.).
25. Khaidegger M. Osnovnye ponyatiya metafiziki [Basic concepts of metaphysics] // *Voprosy filosofii – Russian Studies in Philosophy*, 1989, no. 9, pp. 116–122. (In Russian)
26. Heyne P.T. *The economic way of thinking*. Chicago, Science Research Associates, 1973 (Russ. ed.: Kheine P. *Ekonomicheskij obraz myshleniya*. Translated from English. Moscow, Delo Publ., 1993. 702 p.).
27. Holton G.J. *Thematic origins of scientific thought: Kepler to Einstein*. Cambridge, Massachusetts, Harvard University Press, 1973. 495 p. (Russ. ed.: Kholton Dzh. *Tematicheskii analiz nauki*. Translated from English. Moscow, Progress Publ., 1981. 383 p.).
28. Schumpeter J.A. *Ten great economists from Marx to Keynes*. New York, Oxford University Press, 1951. XIV, 305 p. (Russ. ed.: Shumpeter I.A. *Desyat' velikikh ekonomistov ot Marksa do Keinsa*. Translated from English. Moscow, Izdatel'stvo Instituta Gaidara Publ., 2011. 414 p.).
29. Yaspers K. Vvedenie v filosofiyu [An introduction to philosophy]. *Filosofskie nauki – Russian Studies in Philosophy*, 1993, no. 4–6, pp. 245–262. (In Russian)
30. Yaspers K. *Smysl i naznachenie istorii* [Meaning and purpose of history]. Translated from German. Moscow, Politizdat Publ., 1991. 528 p. (In Russian)